

ОСТРОВ

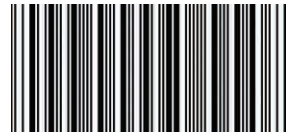
Спецвыпуск

Февраль 2011

Печатный орган Гимназии № 45

Газета основана в 1997 году

RSPR 77-00263-Г-01

Ветеран Гражданин Учитель

Леонид
Исидорович
Мильграм

25 февраля свое 90-летие празднует основатель сорок пятой! Леонид Исидорович руководил нашей школой более сорока лет, с 1960 по 2001 год. О его трудолюбии, бесконечной преданности идее, о его чутье, обаянии и умении видеть в людях талант говорят все, кому когда-либо выпала удача учиться или работать у Мильграма. Этот выпуск – не поздравительная открытка, а скорее сборник очерков об этом удивительном человеке и, конечно, о школе, которую он создал.

биография

Повороты судьбы

Анастасия Апухтина

Гвардии старшина Мильграм, 1945

Леонид Исидорович Мильграм родился 25 февраля 1921 года в Москве. Его семья жила по адресу ул. Тверская, 10, в том доме, где сейчас находится закрытая на реконструкцию гостиница «Центральная». А тогда это был дом Коминтерна, в котором жили иностранные деятели коммунистического движения... Будущая жена Леонида Исидоровича жила там же.

Отец Леонида Исидоровича, Исидор Вольфович, работал разведчиком в нескольких зарубежных странах. В 1937 году вместе с женой, мачехой Леонида Исидоровича, он был арестован. За отцом пришли, как это обычно бывает, ночью. Леониду Исидоровичу было 13 лет.

Я вообще был в жутком состоянии. Он обнял меня, сказал, что он должен обязательно вернуться, и я должен быть спокоен, потому что за ним ничего нет.

Однако в 1938 году отца расстреляли, а его супруга была отправлена в тюрьму и впоследствии в лагерь.

Леонид Исидорович остался жить вдвоем с младшим братом. Одновременно с учебой в школе № 119 ему приходилось работать: из его параллели 13 ребят жили без родителей, и вместе они создали бригаду по разгрузке вагонов, чтобы как-то зарабатывать на жизнь.

Сразу после окончания школы в 1939 году Мильграм поступил на исторический факультет МГУ. По его словам, он сам не знает, как ему это удалось – ведь он был сыном «врага народа». Но вскоре первокурсников призвали на военную службу (правда, сына репрессированных родителей не хотели брать в армию сразу, и Мильграму пришлось написать несколько писем и заявлений, чтобы его приняли), а потом началась война... Леонид Исидорович про-

Все зависит от самого главного, на мой взгляд, фактора – то, что называется «масштаб личности человека». Что такое Мильграм? Ну, во-первых, Мильграм – это весь почти весь XX век: сталинская эпоха, хрущевская эпоха, брежневская, горбачевская, перестроечная и постперестроечная... Вдумайтесь, кого мы видим перед собой: это человек, который чуть ли не у Бухарина сидел на коленях, который видел Троцкого, который вырос в доме Коминтерна... И вот в этой атмосфере этот ребенок рос.

Евгений Александрович Ямбург,
директор Центра образования № 109

шел ее от начала до конца. Победу он встретил в Польше, Бреслау (современное название – Вроцлав).

В 1943 году с Москве, во время короткой командировки, Мильграм встретился с дочерью итальянского коммуниста Миреллой Пасторе (Росси).

Она меня околдовала, и я с дочерью враждебного народа стал переписываться.

После окончания войны у Миреллы появилась возможность вместе с мамой вернуться в Италию – к брату, к отцу – но она отказалась. В июле 1946 года Леонид Исидорович и Мирелла поженились.

Этот брак длится уже почти 65 лет.

Мы поженились, а спустя несколько месяцев, 15 февраля 1947 года, вышел указ Президиума Верховного Совета, запрещающий браки с иностранцами. И больше того, там был еще пункт: «браки, заключенные с иностранцами ранее, аннулируются». Но мы как-то... проскользнули.

В университет Леонид Исидорович вернулся только в 1946 году и закончил его в 1951 – с перерывом на армию учение заняло 12 лет. После окончания МГУ Мильграму должны были назначить место работы – в то время существовала практика распределения выпускников, когда необходимо было отработать какое-то время в городе, выбранном университетом. Места в Москве Леониду Исидоровичу не досталось – предложили Архангельск, место учителя истории.

И я уехал в Архангельск. И вот когда я вошел в класс в Архангельске, вы знаете... не сразу, конечно, но через неделю примерно – я понял: это мое.

Мильграм посвятил всю свою жизнь педагогической деятельности. Вернувшись из Архангельска, Леонид Исидорович пошел работать в школу № 119, в которой сам когда-то учился. А потом, в 1959 году, он был назначен завучем 106-й школы (ныне гимназия № 45). В 1960 Мильграм стал директором нашей школы.

Я приходил на работу многие годы в 6 часов утра. В 6:30 я опрашивал ребят, которые у меня отвечали плановые предметы и получали двойки. Это одно. Во-вторых, я приглашал родителей на это время. И приходили!

Сорок два года Леонид Исидорович был нашим директором. В 2002 году он передал свои полномочия Михаилу Яковлевичу, но до сих пор 45-я известна как «школа Мильграма», а с Леонидом Исидоровичем поддерживают связь выпускники гимназии – звонят, приходят в гости...

Я удовлетворен тем, что жизнь так повернулась, что я выбрал эту стезю. <...> Я свою профессию – директор школы – всегда принимал, воспринимал, осуществлял, исходя из того, что это не просто служба, а служение.

Материал подготовлен с использованием фильма «Урок Мильграма», режиссер Дмитрий Лавриненко, 2007 год.

Этюд в бордовых тонах

Об одном из самых важных уроков Мильграма

Даниил Бордюгов

«Я вас умоляю, — задумайтесь об этом: вам надо быть не только интеллектуалами — их много, — а интеллигентами».

Эти слова Леонид Исидорович Мильграм произнес 25 мая 2007 года, обращаясь к выпускникам, сегодня — студентам 4-го курса. Он говорил об этом раньше, повторял и потом — но мало кто по-настоящему задумывался о смысле этой фразы.

Ни в английском, ни в немецком, ни в итальянском нет слова «интеллигент»; в некоторых словарях, правда, можно найти русское слово — *intelligentsia*. Непереводимость, этой лексемы доказывает уникальность этого явления в российской культуре. Здесь, конечно, можно вспомнить о сборнике «Вехи» 1909 года, о николаевской и сталинской интеллигенции, о Радищеве и Чаадаеве. Но в данном контексте, стоит, пожалуй, ограничиться формулировкой самого Леонида Исидоровича:

«Интеллигенция, в моем понимании, обладает, помимо интеллекта и образования, комплексом нравственных ценностей, в том числе порядочностью, независимостью суждений, умением поступиться собственным благом ради другого и для достижения общественных ценностей» (VIP, 1997, № 27–28).

В институтах не занимаются воспроизводством интеллигенции. Им не занимаются и в других московских школах. Для выпускника 45-й это может стать особенно очевидным после поступления в вуз: среди своих сокурсников он имеет шанс встретить и людей очень умных (а порой даже гениев), и очень богатых — и те, и те, как правило, просто не склонны к взаимодействию с другими. Но даже если рассматривать типичный факультет с обычными студентами, то интеллигентов удастся встретить кра-а-а-айне редко. Потому что поменялись ценности.

День города, 1997

«Молодые москвичи стали циничными: они мечтают о большой зарплате, о доходном месте в госаппарате, или они хотя бы уехать за границу» (Spiegel, 2010, № 52).

Эта цитата — к сожалению — отражает реальную картину сегодняшнего дня. Возможно, это временный феномен: прошло лишь 20 лет после перестройки, в течение которых и зародилось это алчное стремление к буржуазному образу жизни, в котором автомобиль, шуба, айфон и пр. — не только обязательный маркер статуса и предмет первичной необходимости, но и безусловная ценность.

Демократия не стала ценностью для российских граждан, да и вообще события, происходящие в стране, волнуют далеко не многих. А в возможность повлиять на политический режим и социальное устройство государства не верит почти никто. Доминирование политической апатии среди сегодняшних поколений (в т.ч., самого молодого) российского общества — очевидный результат сокращения слоя интеллигенции — того класса, который во все эпохи выступал в качестве оппозиции правящему.

С этим очень хорошо соотносится поступление в престижный московский или заграничный вуз как цель жизни и

безэмоциональное махание ручкой школе после вручения аттестата. Чего скрывать — и в нашей школе этого тоже стало больше. Думаю, с этим сложно поспорить.

Но в 45-й сохранилось и другое — прежнее. Я не знаю других школ, выпускники которых так часто — если не заходят в школу, то вспоминают о ней. Чаще всего, это те, кого связывает со зданием на Гримау не только сидение за партами и вкусные булочки с корицей, а что-то большее — деятельность в детской организации «Остров Сокровищ», участие в спектаклях Натальи Михайловны Мачулы, хорошие, выходящие за рамки уроков, отношения с учителями. Может быть, это даже одна благотворительная акция или успешный персональный проект. Всё это так или иначе связано не только с «потреблением» знаний и опыта, но и с их «отдачей».

К сожалению, в современных университетах студенты имеют ограниченное число возможностей для осуществления этой «отдачи» — в особенности после упразднения комсомола, отмены поездок на картошку и главным образом, конечно же, после упомянутой смены ценностей. Кому-то, безусловно, удастся их найти — путем участия в студенческом театре, организации, например, семинаров для школьников, или

просто сколачивания хорошей компании. Но не всегда. Или ненадолго.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что люди, возвращающиеся в «неприметную школу на одной из московских улиц», в 20 лет снова встают на сцену актового зала или в течение всего июля спят по четыре часа в лагере. Впрочем, необязательно совершение подвигов: акт «отдачи» порой заключается в десятиминутном разговоре с бывшей учительницей или даже в полусекундной улыбке проходившему мимо семикласснику.

И сам Мильграм, ежедневно приходивший на работу в шесть часов утра, свою профессию директора школы «всегда принимал, воспринимал, осуществлял, исходя из того, что это не просто служба, а служение». Чувство необходимости этого «служения» — объединяющее почти всех, кому приходилось носить бордовую жилетку — следствие не столько наличия совести, сколько того факта, что без этой «отдачи» опустевает часть души.

Весьма простые, но крайне важные слова содержит девиз Острова: «Сделаем мир чуточку лучше». Сделать себя чуточку лучше — задача зачастую сложная, но осуществляемая с помощью многих общественных институтов; сделать себе чуточку лучше — еще проще; а вот мир...

Может показаться, что эти вещи никак не связаны с интеллигенцией. Хотя лично для меня именно «служение, а не служба», забота не только о себе, но и о других, постоянное наличие нравственных ценностей и готовность отказа от материальных представлений наиболее важными качествами истинного интеллигента. А всё остальное, в частности, что «интеллигент — это тот, кто, споткнувшись о кошку, назовет ее кошкой»... — почему-то у людей, думающих о внешнем мире, это само собой получается.

Пока в 45-й носят мильграмовский бордовый джемпер, возле слова «интеллигенция» не появится пометка «устар.».

ВОСПОМИНАНИЯ

Мой директор

Мария Лаврищева

1996 год

Проходя мимо его кабинета, я ускоряю шаг. Обычно я делаю так всегда, потому что боюсь директора. Боюсь даже тогда, когда мы с подружкой приходим забирать аттестаты за 9 класс. Вроде бы и отличницы, и не делали ничего плохого, но в кабинете директора неуютно и холодно, и хочется поскорее вырваться на свободу... Мне предстоит сменить школу на неведомую 45 гимназию.

1997 год

Подходя к его кабинету, я надеваю форму. Меня гораздо больше устраивает джинсовая рубашка, а школьный джемпер меня толстит, но как я объясню это директору, который

взглядом извлекает малейший кусочек металла из мочки уха старшеклассницы? Мне нужно взять интервью об «Острове сокровищ», и я знаю, что сейчас мы опять начнём спорить. Я утопаю в кресле и выискиваю аргументы, а он слушает... Кто у кого берёт интервью, непонятно... Еду домой через всю Москву, но это того стоит — я же учусь в сорок пятой.

1998 год

Подхожу к его кабинету и улыбаюсь: Мильграм на месте и не занят. Я утопаю в кресле и рассказываю об университете, попутно проговариваясь о личной жизни одной из моих подружек. Упс. Как ему это удалось? Отговорка про сына

В кабинете директора, 1997

75-летний юбилей Мильграма, 1996

разведчика универсальна, но всё же — как? Университет, кстати, педагогический: обещала Леониду Исидоровичу на выпускном, что вернусь в школу работать. Пока не работаю, но возвращаюсь постоянно. Парадоксально, но иногда я хожу на лекции в школьном джемпере. Перестал толстеть, цвет неплохой, греет...

2010 год

Подходим к дверям подъезда и улыбаемся. Мильграм дома и ждёт нас, трёх выпускниц своей школы. Он выделяет каждой тапочки, делает комплименты и приглашает в гостиную. Он утопает в кресле и курит запрещенную сигарету, пока не видит жена. Он рассказывает

о том, что кто-то неизвестный оформил ему подписку на газеты, ежедневно появляющиеся в почтовом ящике. О том, как его выпускники помогают вдовам его однополчан. О том, как он узнал правду о судьбе своего трагически знаменитого отца. В этой комнате продолжают уроки Мильграма для вольных слушателей. Вольных поступать по совести и жить достойно.

Спасибо, Леонид Исидорович. Люблю и бесконечно уважаю Вас. Кстати, на вопрос о том, кто такой Мильграм, Ваши выпускники в первую очередь дают определение «мой директор». С юбилеем, мой директор!

Школа, семья...

Константин и Елена Постниковы

31 августа 1962 года в 18:00 моя мама сидела перед кабинетом директора школы №106 Леонида Исидоровича Мильграма и думала: «Буду сидеть, пока не примут. Все равно уже поздно идти куда-нибудь еще».

В 21:00 Леонид Исидорович, пораженный настойчивостью моей мамы, принял меня в первый класс. С тех пор жизнь моей семьи неразрывно связана с потрясающим Мильграмом...

...Я, моя сестра Ольга Постникова, мой сын Константин и дочь Елена окончи-

ли 45-ю. Трое из нас работали здесь. А Елена была участницей проекта «БСС — Школа 45».

Мой отец Константин Сергеевич Постников 30 лет дружил с Леонидом Исидоровичем.

И вот уже 15 лет он в нашей семье и отец, и дед, и опора, и верный советчик.

Он — наша семья, наш родственник, воздух, жизнь.

Дорогой Леонид Исидорович!

Мы Вас любим, поздравляем и желаем здоровья. Ведь Вы нам всем так нужны.

Мильграм и три поколения Постниковых, 1994

ВОСПОМИНАНИЯ

Субъективная история

Анатолий Павлович Шикман — историк, учитель сорок пятой с 1987 по 2008 год вспоминает о школе и Мильграме

Василий Русанов

Анатолий Павлович, расскажите, пожалуйста, как вы пришли в сорок пятую?

Я начал работать учителем в 1973 году, задолго до того, как пришел к Мильграму. В те золотые времена больше года или двух в школе я проработать не мог, меня гоняли, как зайца, из одной школы в другую. Я не так понимаю, я не то говорю... Как я мог детям сказать, что нужно послушать «Голос Америки» и сравнить то, что говорили здесь с тем, что говорили там! Уточню, что я не агитировал против Советского Союза, а просто хотел, чтобы дети думали своей собственной головой и анализировали происходящее. Но надо было как-то жить и зарабатывать. И вот близкая подруга моей жены, Елена Яковлевна Подгорная, работавшая в школе у Мильграма, в середине учебного года позвонила мне с предложением подработать в школе. Так я познакомился с Леонидом Исидоровичем — мы с ним встретились, он мне предложил сколько-то часов. В конце учебного года, когда я зашел к Мильграму поинтересоваться, могу ли я рассчитывать на подработку в следующем году, он сказал мне нечто совершенно удивительное: «Я с удовольствием возьму вас основным учителем истории». Впервые, в конце учебного года меня не попросили написать заявление об уходе по собственному желанию. Честно говоря, мне это показалось настолько странным, что я еще год не решился уйти с другого места работы и работал в 45-й по совместительству — после чего Мильграм меня все-таки переманил.

Что выделяло тогда сорок пятую?

Поразительная свобода. Ничего подобного до этого я нигде не видел. Передо мной не ставили никаких идеологических рамок. Уважительное отношение администрации школы к ученикам и учителям чувствовалось даже в мелочах. Чтобы можно было нарисовать шаржи на учителей и директора и вывесить их в школьном коридоре — такое было возможно только в сорок пятой.

Как же школе удавалось оставаться свободной в советское время?

Полагаю, что это было великое умение Мильграма. Где-то отшутиться, где-то ответить серьезно, но где-то и твердо стоять на своем. В советское время в школе никогда не висели портреты членов Политбюро — а райком ведь требовал. Каким образом директор ухитрялся эти жесткие требования обходить — я понятия не имею. Наверное, для этого надо было просто быть Мильграмом.

Как школа переживала перестройку?

Все шло так, как оно шло — единственно, появилась значительно большая независимость от всяких внешних регламентов. Образовательные администраторы оказались в коме, старые нормы перестали действовать, а новых создать еще не успели. Я пришел к Мильграму с текстом будущей книжечки «Открытие истории», она родилась из уроков, которые я вел: мне хотелось объяснить детям, что такое история, как она развивалась, зачем она нужна — и Мильграм дал мне возможность вести этот курс — «Философия истории». Потом кто-то поинтересовался «наверху», что это за курс, я подал конспект, и его «разрешили». Но ведь курс разрешили на самом деле Мильграм. Хотя некоторые процессы перестройки Мильграм переживал болезненно. В основе своей идея социализма его увлекала, и по своим воззрениям, по-моему, социалистом он и остался.

Как Вам кажется, актуальна ли сейчас проблема «интеллектуалов и интеллигенции»? Не потеряла ли проблема актуальность с крушением СССР и появлением свободы?

Нет, не потеряла. Роль интеллигенции в нашем обществе достаточно велика. Вот почему созданная Мильграмом система ценностей — основной целью которой и есть воспитание из детей интеллигентов, — продолжает оставаться востребованной. Я думаю, что и сегодня школа должна учить ребенка самостоятельно мыс-

Мильграм на школьной сцене, 1996

лить, становиться человеком со своим «я».

А чем Мильграм привлекал учителей?

Мильграм, встречая меня в коридоре, говорил: «А, Шикманище, привет бездельник». Это прозвище «бездельник» я с гордостью ношу и сейчас. Мильграм умудрялся общаться как-то дружески, по-хорошему — при этом никакого панибратства не было. Он умеет общаться с людьми, он все помнит, всех членов семьи всех учителей... Я помню многих из тысяч своих учеников с 1973 года. Мильграм помнит всех. Если попробовать записать повседневные, обыденные слова Мильграма, то может показаться, что он вроде бы ничего особенного и не говорит. Но его интонация, улыбка, взгляд... Это как любовь, очень сложно передать словами. Нельзя объяснить, почему уникам является уникам — тогда легко можно было

бы уникамов делать. Второго Мильграма не будет, как говорил заведующий кафедрой иностранных языков Александр Захарович Бессмертный, «берегите Мильграма, без него будет гораздо».

Как вы считаете, должно ли существовать элитарное образование, справедливо ли, что кто-то учится в сорок пятой, а кто-то — в других, не таких хороших школах?

Элитарное образование должно быть. Но я не считаю, что оно имеет право существовать только для сильных мира сего. Иначе говоря, любой талантливый человек должен иметь возможность учиться в «особенной» школе. Советская эпоха показала уже, что попытки уравнивать всех и вся ни к чему не приводят. Для подтверждения этого факта достаточно назвать одну фамилию — Мильграм, и одну школу — 45-ю, которая есть и будет.

уроки жизни

Привилегия свободы

Этот очерк был написан выпускником 45 школы 1984 года, заместителем руководителя Иновещания РИА Новости, лауреатом европейской премии имени Дж. Темплтона за журналистику в области религии Андреем Золотовым для памятной книги в честь 90-летия Леонида Исидоровича и любезно предоставлен нашей газете, чтобы с помощью этого взгляда на ушедшую эпоху новое поколение учеников смогло лучше понять человека, основавшего нашу школу

Андрей Золотов

В конце минувшего лета мы договорились встретиться с подругой, приехавшей из другого города. Мы познакомились несколько лет назад и быстро узнали, что оба из 45-й. Мильграм, 45-я, — все это способствовало такому доверию, которое редко возникает при знакомстве взрослых людей, не связанных узами общего детства. Вот у меня так случилось, что лучшие мои друзья — из школы, а не из университета. Можно годами не видеться, а встретиться — как не расставались. С этой дамой Н. в школе мы друг друга не знали — она была, да и есть на несколько лет меня старше. И познакомились мы в очень далекой от 45-й обстановке — мы познакомились в церкви. Однако наша школьная общность тридцатилетней давности, неожиданно явившаяся вдруг теперь, и имя «Мильграм» стали знаками, скрепившими нашу дружбу.

В эту недавнюю встречу, прежде чем отправиться в ресторанчик, мы заехали на Гримау, 8. Попросили охранников, и нас пустили. Прошлись по первому этажу — сердце колотится. Вот дверь канцелярии и кабинета директора. Для нас — навсегда кабинета Мильграма. 126-33-82 — не стирается из памяти. Рядом — комната Совета пионерской дружины. Имени Ф.Э. Дзержинского, между прочим. Как там теперь пионеры называются? Дальше — дверь кабинета биологии, добрейшей Ирины Васильевны. Вот лестница, на которой я после уроков так забываемо прекрасно целовался с... все и так знают с кем, зачем повторять?

А вот ниша напротив входа — своего рода алтарная абсида. Тут был в наше время барельеф с профилем Ленина, потом, помнится, в какой-то момент стоял государственный

флаг России, а теперь красуется логотип 45-й. От распавшейся идеологической идентичности, через попытку национальной — к состоявшейся корпоративной.

Но именно перед этой нишей стоял в наше время глава корпорации — Леонид Исидорович Мильграм и встречал нас по утрам. И Мильграм оказался куда важнее Ленина. Пережил его. В моей жизни, по крайней мере.

Выходим на улицу — посидеть на железной «завалинке», посмотреть на красный асфальт, бывший в наше время невиданным пижонством. «Вот здесь всегда стояли вишневые «Жигули» Мильграма», — сказала дама Н., указывая на то известное всем нам место, где они действительно всегда стояли.

С этими вишневыми «Жигулями» связана одна особая для меня история. Она не совсем юбилейная, потому что весьма драматическая. Но, когда я думаю сегодня о Мильграме, когда я смотрю на развешанные по городу плакатные портреты его как Почётного гражданина города Москвы и с гордостью говорю своим спутникам, что это «мой директор школы», то вспоминаю в первую очередь именно ее. Потому что именно эта история, в которой мы оказались с Мильграмом по разные стороны баррикад, как ни странно, подняла для меня его образ на практически недостижимую высоту.

Дело в том, что жил я на Ломоносовском проспекте, напротив кинотеатра «Прогресс», где теперь театр Армена Джигарханяна. И когда приходилось ехать в школу пораньше, то не раз, стоя на

автобусной остановке, я видел, как мильграмовские «Жигули» выворачивают из «Красных домов» на Ломоносовский. Это соседство с директором давало мне — никогда не отличавшемуся большой скромностью ученику, которого Мильграм еще за что-то и любил и отличал — ощущение приближенности к высшему авторитету. Считалось, что я могу просто зайти в кабинет Мильграма и о чем-то спросить или попросить, хотя сейчас не могу вспомнить, зачем именно я этой привилегией пользовался в школьные годы.

Понадобилась эта привилегия уже после того, как я закончил школу в 1984 году и был студентом первого курса Факультета журналистики Московского университета.

Наступил апрель 1985 года. Только что умер Константин Устинович Черненко.

Закончился год сплошного чувства стыда и неловкости за свою страну. Генсеком был избран Михаил Сергеевич Горбачев. Наверное, он уже успел съездить в Ленинград и выступить там, поразив всех нас в телевизионной записи тем, что руководитель нашей страны может говорить без бумажки и даже о чем-то актуальном. Но даже Апрельский (1985 года) Пленум ЦК КПСС, провозгласивший курс на «ускорение социально-экономического развития», еще не состоялся, не говоря уже о всех куда более поздних «перестройках» и «гласностях». Говорю это с уверенностью, потому что апрельский пленум открылся 23 апреля, а православная Пасха в 1985 году была 14 апреля.

И вот где-то незадолго до Пасхи звонит мне, уже первокурснику университета, наша школьная секретарша комитета комсомола Лена Белякова, которая была на один класс младше меня, и говорит что-то вроде: «Андрей, выручай! Мильграм вспомнил молодость и предложил комитету комсомола на Пасху послать юнкором с фотоаппаратами по окрестным храмам — фотографировать молодежь, которая пойдет на Крестные ходы, а потом сделать стенгазету позора. Мы сказали, что этого делать не

будем, а он давит. Мильграм тебя любит, ты можешь с ним поговорить?»

Почему-то нам, комсомольским активистам 45-й начала 80-х, не было нужды объяснять друг другу, почему таким атеистическим воспитанием заниматься не надо. Разумеется, я поговорю с Мильграмом! Я позвонил ему, сказал, что очень надо побеседовать о важном и срочно, и мы договорились встретиться в 7.30 утра следующего дня на автобусной остановке у кинотеатра «Прогресс» — я подсаду к нему в машину по дороге в школу, и мы поговорим.

Именно в тот день я первый и единственный раз в жизни ехал в машине с Мильграмом. Конечно, положение выпускника давало мне больше «прав» в общении с директором. Но все равно: он был — и по сей день остается для меня — гигантским авторитетом. А сядил я в его машину на той самой автобусной остановке, где мальчишской видывал его проезжающие мимо небожательские вишневые «Жигули».

Я плохо помню все слова, сказанные в том разговоре. Но помню, что говорить было трудно. На тот момент я не был еще церковным человеком — до моего крещения оставалось еще целых 5 лет. Но, выросший в веротерпимой семье, при янне — Дивеевской монахине, прожившей в нашей семье 45 лет и умершей в 1981 году, когда мне было 13, а ей — 93, я был убежденным сторонником свободы совести, исторического и культурного значения Православной Церкви в жизни нашей страны. Вместе с однокурсниками и без них я с интересом и благоговением посещал любые доступные дома молитвы — действующие или музеи. Атеистическая пропаганда, не говоря уже о преследованиях или унижениях верующих, масштаб которых я вообще себе не представлял, казалась мне давним, преодоленным периодом в жизни Советской власти, а сейчас у нас в СССР этого быть не должно было!

Что-то об этом я и говорил — о том, что Церковь — это важно для познания своей истории и культуры, а что вмешиваться таким образом в личную жизнь молодежи — посылать фотографов, делать доску позора, настраивать одних ребят против других — нельзя. Мне даже было обидно за моего дорогого, бесконечно уважаемого Мильграма — как он этого не понимает!

А он искренне не понимал и говорил в совершенно иных категориях. Для него как раз религия была давно преодоленным этапом, принадлежностью отжившего и невежественного. «Я решительно не понимаю, что это такое за увлечение богоискательством среди интеллигенции!» — возмущался мой дорогой директор. Он скорбел о потерянных устоях. Он действительно вспоминал свою молодость, что-то связанное с войной. Но разве не в Великой Отечественной войне Церковь проявила свою патриотическую роль, парировал я почерпнутой из какой-то брошюры информацией? Но это не работало. Я пытался апеллировать к его итальянским связям. «Но в Италии совершенно иная ситуация» — говорил Мильграм.

Мы проспорили и те 15-20 минут, что ехали до школы в вишневых «Жигулях», и потом в его кабинете до самого начала уроков — всего около часа. В итоге Мильграм сказал: «Я с вами не согласен, но раз вы все так против, мы этого делать не будем».

Все это происходило 25 лет назад, в еще совершенно советское время. Да, Даниловский монастырь Церкви уже передали, но узнать об этом можно было только из газеты The Moscow News, издававшейся для наивных иностранцев и учеников английских спецшкол. Должно было пройти еще целых три года, прежде чем Политбюро решило праздновать 1000-летие Крещения Руси на общегосударственном уровне, что, в свою очередь, явилось изменением государственной политики в отношении религий. До последнего момента это решение было совершенно не очевидно и ему оказывалось серьезное противодействие. А пока происходили последние судороги советской атеисти-

ческой машины, и, как теперь выясняется, они были совсем нешуточными.

Ну ладно я, 17-летний юнец, возразивший 64-летнему директору школы. Школа к тому времени была позади, и формально я не был в его, Мильграма, «юрисдикции». И он со мной уважительно и искренне, убежденно целый час дискутировал. Но ведь своему царю-директору, великому Мильграму возразили его 15-16-летние ученики, бывшие в совершенно ином положении, нежели я! Посмели возразить! По принципиальному, идеологическому вопросу! И он, повозмущавшись, внутренне не согласившись, остановился.

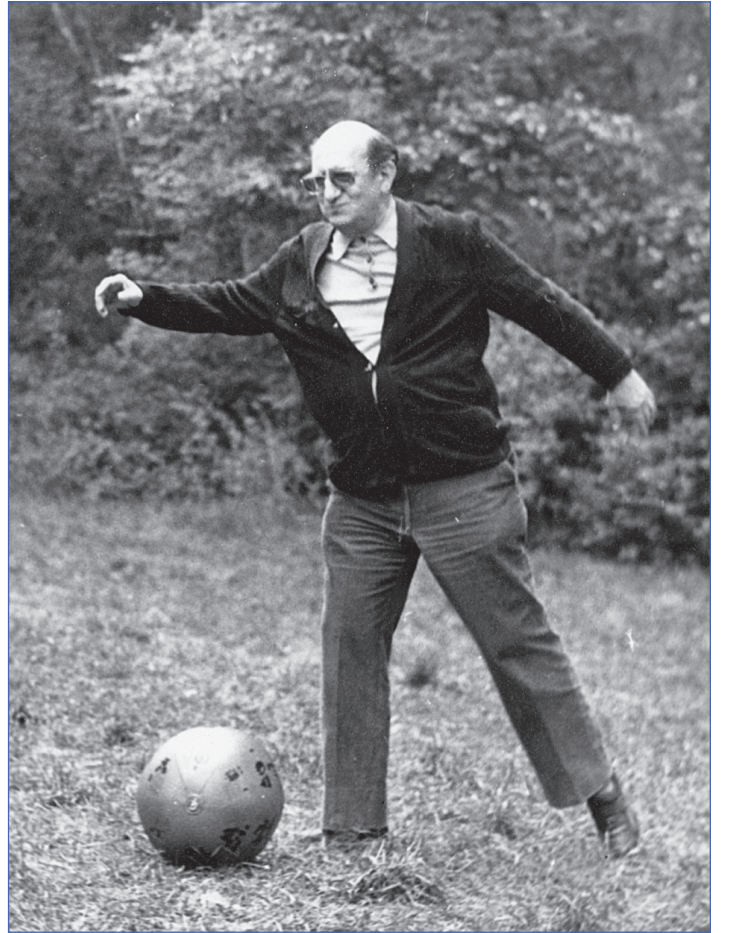
Не знаю, была ли вся эта затея с фотокорреспондентами на Крестных ходах действительно его личной инициативой или результатом какой-то инструкции с какого-то этажа партийной власти. Но она была ему внутренне близка. И он, конечно же, мог ее продать, если бы захотел. Но он от нее отказался.

Потому что Мильграм уважал своих учеников.

Потому что он воспитал нас свободными личностями, даже до точки принципиального несогласия, честного спора с собой.

Потому что незря он разрешал или устраивал в школе встречи с Натаном Эйдельманом, польским министром образования, казавшимся нам прилетевшим с другой планеты, хоть и социалистической, или лектором ЦК КПСС, который, не выходя за рамки существовавших правил, все же рисовал нам картину мира, весьма отличную от той, что рисовала газета «Правда».

Потому что, по внутренней интуиции, или «разложенный» бациллой итальянского еврокоммунизма, он фактически превратил нашу комсомольскую организацию в школьный парламент — иначе как бы посмел комитет комсомола возразить полновластному директору, а тот, поперек своей воли, смирился бы? Думаю, что и в сегодняшней, формально демократической России мало кто из государственных или корпоративных лидеров повел бы себя так же в аналогичной

На школьном турслете, 80-е

ситуации. А все описанное происходило задолго до обменов с американцами и прочих новых веяний!

Конечно, глупо и неисторично — а Мильграм все же когда-то преподавал историю — было бы, глядя из сегодняшнего дня, представлять его каким-то завзятым либералом или тайным диссидентом. Не знаю, как эволюционировали его взгляды впоследствии — а у всех у нас тогда он был вполне советским человеком, убежденным атеистом и сторонником, скажем так, коммунизма с человеческим лицом. Да, он был прилежательным директором привилегированной школы. Но в силу ли глубокой честности, громадного дара любви или каких-то невероятных интуиций, он воспитал нас в обстановке взаимоуважения, личного нравственного выбора и свободы. И это главная при-

вилегия, за которую я всегда останусь ему благодарен.

...Когда-то, когда 45-я школа участвовала в строительстве памятника бойцам 1-й Пролетарской Московско-Минской гвардейской дивизии у метро «Филевский парк», мы все писали сочинения — что-то типа «Послание пионерам и комсомольцам XXI века». Фрагменты этих наших сочинений были заложены в капсулу в фундамент памятника и должны были быть вскрыты в далеком, почти мифическом 2017 году. Ан вот осталось всего шесть лет, и настанет время эту капсулу доставать. Там будет написано много всякого бреда, и цена ему будет ничтожна. А вот пасхальный спор 1985 года — как урок свободы — имеет, на мой взгляд, право остаться в истории, а то и в вечности.

Спасибо Вам, Леонид Исидорович, за этот урок.

творчество

Гимн Мильграму

Этот гимн был написан Владимиром Борониным на стихи Ирины Кочергиной к 80-му юбилею Леонида Исидоровича, и с тех пор он является неотъемлемой частью выпускных вечеров и других событий нашей школы

На одной из московских улиц
Неприметная школа стоит.
Только номер ее – сорок пятый –
По-особому знаменит.
Эту школу своими руками
Возводил гражданин и солдат,
Оттого ее цифры, как пламя,
Светом нашей победы горят.

*Мы родом из сорок пятой,
И в сердце хранятся свято
Добра и любви заветы,
Что здесь преподали нам.
Мы родом из сорок пятой,
Закончился век двадцатый,
За будущее в ответе
Мы дети твои, Мильграм!*

Здесь ученые и поэты,
Дипломаты и сотни актрис
Постигали азы предметов
И вдыхали запах кулис.
Скоро мы разлетимся по свету,
По большому пойдем мы пути,
И на всех перекрестках планеты
Скоро нас можно будет найти.

*Мы родом из сорок пятой,
И в сердце хранятся свято
Добра и любви заветы,
Что здесь преподали нам.
Мы родом из сорок пятой,
Закончился век двадцатый,
За будущее в ответе
Мы дети твои, Мильграм!*

И хоть каждый из нас еще молод,
Независим он и упрям,
Потому что и нас, как школу,
По кирпичику строил Мильграм.
И пускай пронесутся годы,
Не изменимся мы душой.
Мы, ребята, отсюда родом,
Это стало нашей судьбой.

*Мы родом из сорок пятой,
И в сердце хранятся свято
Добра и любви заветы,
Что здесь преподали нам.
Мы родом из сорок пятой,
Закончился век двадцатый,
За будущее в ответе
Мы дети твои, Мильграм!
Мы дети твои, Мильграм!*

Материалы

Анастасия Апухтина
Даниил Бордюгов
Мария Лаврищева
Константин Постников
Василий Русанов
Андрей Золотов

Обработка графики

Виталий Лебедев
Василий Русанов

Корректурa

Даниил Бордюгов
Василий Русанов

Верстка

Виталий Лебедев

Печать

Андрей Кипятков

Выпускающий редактор

Виталий Лебедев

Печать номера осуществлена
при финансовой поддержке
Доверительного
Образовательного Фонда

Газета «Остров»

Спецвыпуск, 19.02.2011

Печатный орган ГОУ Гимназия №45

Регистрационный номер издания:

RSPR 77-00263-Г-01

Издательство детской организации

«Остров Сокровищ»

Отпечатано типографией Гимназии №45

Тираж 500

<http://vostrove.ru/paper>

newspaper_os@mail.ru

© Остров Сокровищ, 1997–2011